СТАРИННЫЕ БЫЛИ КОРЕИ

КНДР, Издательство литературы
на иностранных языках
2026

СТАРИННЫЕ БЫЛИ КОРЕИ

КНДР, Издательство литературы
на иностранных языках
2026

Предисловие

С древних времен наш народ создал свою многовековую, пятитысячелетнюю историю и славную культуру. Скрижали истории помнят мудрость и талантливость наших предков, которые с годами, веками своим трудолюбием, своим честным созидательным трудом внесли весомый вклад в расцвет культуры на Востоке.

Книга эта знакомит читателей с частью широко известных нашему народу исторических событий.

Содержание

Знаменитая картина художника Тамчжина ····· 4
Чиновник в подходящей должности ····· 5
Показывай себя слабым, а затем показывай силу ····· 8
Музыкант Пэкгёль и «Песнь о крупорушке» ····· 11
Рассказ мудреца об «Эдикте царя-цветка» ····· 12
Картина Сольго «Старая сосна» ····· 14
Аргумент музыканта У Рыка ····· 15
Тэдонганский поэт ····· 16
«Бедность не помеха» ····· 17
Бескорыстие супружеской четы ····· 21
Почему поэт со слезами покинул Пхеньян? ····· 23
Стрела из лука, воткнутая в губу ····· 25
Как спустя 10 лет он становился «святым»? ····· 26
Не разболтай – кто виноват? ····· 29
Ким Си Сыб – блестящий ум ····· 33
Как остановил 5-летний мальчик процессию чиновника ····· 34
Как жена наставила мужа на ум ····· 35

«Сокровище» Кореи 38
Пак Да Чжи 39
При покупке *кат* 41
Справедливый судья 42
Стирается одежда вместе с телом 43
Чудесный рецепт 45

Знаменитая картина художника Тамчжина

Он был не только знаменитым мастером живописи государства Когурё (первое в нашей стране феодальное государство, существовавшее в 277 г. до н. э. – 668 г. н. э.), но и специалистом по производству туши и бумаги, который научил японцев этой технике.

Это было, когда приступили к росписи Золотого павильона буддийского храма Хорюдзи в Японии, что считалась мировым шедевром.

Его пригласили японцы в свою страну. Он учил их приемам рисования, приготовления и применения красок. Однажды к нему пришли японские монахи, строители буддийского храма Хорюдзи, просили покрыть росписью стену Золотого павильона храма. Когурёский художник согласился и, находясь в храме, готовился к рисованию. Шли дни, месяц-два, но у него не было охоты приступить к делу. Да и то сказать: в то время он услышал, что в Когурё вторглись многомиллионные полчища чужеземных захватчиков. Его все тяготила мысль: разве удастся ли когурёсцам, соотечественникам, отбить наскоки столь огромных орд противника? Какая трагедия постигнет их, одноплеменников, если они попадут в лапы агрессора? Дело не поет. Хочется изготовить краски, – дело не клеилось. Берет кисть – концы пальцев теряют силу.

Художник в одиночку терзается душевными мучениями. Шел месяц за месяцем. Никто не понимал его душевные муки. Среди японских монахов храма Хорюдзи начали появляться скептики, которые не скрывали сомнения: «Правда ли, что этот когурёсец известен живописью?», «По всей вероятности он бездельник, бродяга в маске живописца», «Ясно, что он лжехудожник – не умеет рисовать».

Осыпались потоки кривотолков и обвинений, но он не смел взять кисть. Художника не покидали думы: «Пусть злые языки заставят меня рисовать, но не получится, думаю, хорошего рисунка. Кабы я дам им совершенную картину, кто же из них оценит произведение, автором которого окажется человек лишенной Отчизны?!»

Шли дни. Однажды настоятель храма навещает его и говорит:

– Слушай, художник, обрадуйся! Захватчики, миллионы орд, вторгшиеся в Когурё, разбиты наголову. Мечом военачальника Ыльчжи Мун Дока.

Тамчжин, лежавший бессильно, встает с постели и спрашивает:

– Скажи, это правда?!

У художника, узнавшего, что и как, в душе шевельнулась несказанная радость. Настал следующий день. Художник, вымывшись в чистой воде в лесу, сразу взялся за рисование, держа в руках краски и кисть. В его груди бурлила радость, что его Когурё отбило набеги вражеских полчищ, весь он горел творческой страстью. Кисть в его руке двигался свободно, как вольный журавль на небе. И на стене Золотого павильона буквально в мгновение ока появилась прекрасная роспись, как чудо. Всю Японию облетела весть об уникальной росписи. В храм нескончаемым потоком текли люди – монахи, конечно же, и другие зрители. Все, очарованные настенной картиной, с восхищением изливали душу:

– Такой росписи нигде в мире не найдешь! Профессиональное мастерство Тамчжина просто волшебное, таинственное.

– Эта настенная картина получилась впечатляющей, – говорит художник, – не моим волшебным приемом живописи. В ней дышит душа Когурё. Вам, люди добрые, не забывать вот что: в нее вложена душа когурёсцев – людей славных, мудрых, мужественных, стойких, которых не в силах покорить никаким вражеским ордам.

Настенная картина в Золотом павильоне храма Хорюдзи считалась сокровищем, гордостью Японии. К большому сожалению, павильон был сожжен в 1948 г., и это произведение изобразительного искусства не могло передаваться грядущим поколениям.

Чиновник в подходящей должности

Это было, когда Чханчжори был председателем госсовета Когурё. Осенью какого-то года король позвал во дворец сановников и спрашивает:

– Чужеземцы сильны, эти враги часто вторгаются в нашу страну через границу. И страна всегда не в покое. Что же нам делать-то, по-вашему?

В то время чужеземцы, обитающие близ северо-запада Когурё, то и

дело вторгались в Когурё – убивали людей, грабили имущество. Так, три года назад, т.е. в 293 г. захватчики нарушили границу. В то время сам король Понсан со своими войсками пошел до Синской крепости, чтобы отбить врагов. Но, наоборот, под напором атаки превосходящего по силе противника ему пришлось отступить до Кокрима. В тот момент Коночжа, начальник Синской крепости, с 500 с лишним конными войсками встретил короля и перешел в контратаку. Итак, королю удалось избежать кризисной ситуации и отразить вторжение противника. А вот тот противник несколько дней назад опять, вторгшись в Когурё, совершал злодеяние, хищнически раскапывая старую гробницу короля Сочхона. К счастью, чужеземные могильщики сами подыхали и остальные, насмерть перепуганные музыкальными звуками, исходящими из разрытой могилы, обратились в бегство – мол, это дело рук духов, и большего ущерба не принесено. Но все-таки чужеземные варвары на пограничной окраине безнаказанно творили всякое зло, и это не могло не беспокоить когурёсцев. Король обращается к сановникам:

– Скажите, каким образом предотвратить нашествие иноземцев, – торопил государь с ответом.

Один из поданных говорит:

– По-моему, надо бы больше размещать воинов на границе.

Другой выступил против этого.

– Если больше завербовать военных и сосредоточить их на пограничной окраине, то оборона столицы, всей страны ослабится, государство окажется в большей опасности. И этот вариант, я бы сказал, неприемлем. И еще: вербовка еще большего числа военнообязанных и постоянная их дислокация на том месте – дело недостойное. Вдобавок в стране неурожай, люди голодают и госказна скудна.

– Значит, по-вашему, невозможно отбить наскоки врагов? – переспрашивает король, обводя свиту сетующим голосом.

Тут делал шаг вперед Чханчжори и говорит:

– У меня в голове такая мысль.

– Какая?

– Теперь ситуация такая, что невозможно больше направлять войска на границу, да и положение в стране не позволяет нам больше взять людей в армию. Есть единственный путь спасения из беды. Позвольте сказать, по-

моему, нужно подобрать и назначить в начальство одного чиновника. Того, кто способен охранять границу.

– Одного чиновника, говоришь?

Сановники недоумевающе поглядывают на него. И король, как будто ему непонятно, переспрашивает:

– Как это так? Как устранить кризис в стране поможет подбор одного чиновника?

Чханчжори с логичной аргументацией объясняет:

– Позвольте сказать Вам, государь почтенный. Чтобы крыть крышу, как правило, нужны прежде всего крупные балки, нежели стропила. Пусть больше будет солдат, пусть будет больше завербовано воинов, выиграть в боях невозможно, коль не будет богатыря, умеющего верховодить ими. И первое дело – по-моему, надо бы поручить подобранному находчивому человеку с большим дерзанием пограничную охрану.

– Вот это да! – положительно отвечает король. И остальные чиновники кивали головой – мол, в его предложении есть свой резон.

– Ну а, скажи, в ком видишь подходящего?

На вопрос короля тот отвечает ни сучка, ни задоринки:

– Это, я бы сказал, Коночжа, начальник Синской крепости.

– Тот самый Коночжа, кто помог мне несколько лет назад в Кокриме при набеге чужеземцев? – сразу вспомнил король, будто не забыв того дня.

– Да-с. Если поручить ему задание обороны пограничной окраины и позаботиться о нем, то, я уверен, он проявит всю полноту своей находчивости и дерзания. И не о чем будет больше беспокоиться.

И другие чиновники были согласны. И государь назначил его высокопоставленным начальником Синской крепости, дал ему задание поставить заслон нашествию иноземцев.

Тот по натуре был человеком компетентным, известен своим именем. Став главой местного ведомства, он свойственной ему находчивостью вел политику и цементировал оборону пограничной окраины. Местные жители уважали его, и чужеземцы, боясь его, не смели поднять руку на Когурё.

Назначение одного человека на подходящую должность намного уменьшило тревогу в стране. Многие чиновники и простолюдины не скупились на похвалы: вот видишь, Чханчжори, умелый председатель госсовета, мастер политики. И его имя стало крылатым.

Показывай себя слабым, а затем показывай силу

Пубунно слыл знаменитым военачальником государства Когурё. Это было летом в каком-то году. Правитель страны, собрав Пубунно и других рыцарей, тревожным голосом говорит:

– Слушайте, братцы! Я хотел бы поговорить о чужеземцах. Они, полагаясь на рельефную крутость своей земли, норовят шанс напасть на нас, не хотят жить с нами в дружбе. Если положение у них складывается в их пользу, они выходят за ворота крепости грабить наших одноплеменников, а коли у них положение плохо, то отсиживаются внутри крепости и защищают себя. Это не может не быть головоломкой для нашего государства. А как положить конец этой тревоге?

Военачальники, переглядываясь друг с другом, несколько минут молчали, как в рот воды набрали.

И тут Пубунно делает шаг вперед и обращается к королю:

– Позвольте сказать, по-моему, нам нужна хитрость – сначала показать врагу, что мы слабые.

С этим не согласился Пувиём, слывший стреляной птицей в подобных делах, который при жизни короля Тонмёна бил Северное Окчжо и присоединил к государству его владения.

– Думаю-с, это дело позорное. Раньше соседние страны сами присоединились к нам, потому что они подавлены могуществом нашего Когурё. Так что теперь нам негоже ущемить наше самолюбие, наше достоинство.

Однако Пубунно не хотел отказаться от своего предложения.

– Сейчас сопротивление чужеземцев, – добавляет он, – настойчивое, у них, говорят, неприступная крутость местного рельефа. Такова ситуация. Значит, наша попытка поставить их на колени только силами бесполезна для сохранения достоинства и престижа страны.

Выдвинутые два предложения расходились, и король, на минутку погрузившись в раздумье, обращает свой взор на Пубунно:

– По-видимому, ты это глубоко задумывал. Каков твой план, скажи мне.

Пубунно, подходя поближе к государю, объясняет:

– Первое – наши войска и вооружения на границе делать на вид слабыми. Второе – после этого послать кого-нибудь из нас, конечно, переодетого, в стан врага, чтобы он пустил там «утку» – когурёсцы кажутся на вид сильными, но на самом деле довольно слабенькие. Тогда они, по-моему, считают нас ничтожными и ослабят свою бдительность. Они, воины расхлябанные, не очень будут интересоваться обороной. Третье – ожидая подходящего шанса, скрытно разместить отборный отряд войск ближе к крепости противника и держать его в засаде, а затем направить небольшой отряд в бой. Тогда противник, несомненно, выйдет на поле боя. Пусть наши воины несколько раз встречают их в штык и претворяются отступающими. Враги-то, чтобы не упустить этот шанс, откроют крепостные ворота и начнут преследовать нас. Тогда наши воины, находившиеся в засаде, поднимутся и ворвутся в открытые ворота вражеской крепости. Это поможет нам легко взять вражескую крепость. После этого наши воины разобьют противника спереди и сзади. Тогда враги окажутся буквально, как мышь в чане.

Король, одобрив его план, поручил ему задание. С того дня чиновник взялся за дело для реализации своей стратегии. В первую очередь он переместил в глубь страны большинство войск с их вооружениями из пограничной зоны, соприкасающейся с противником, чтобы оборона государства выглядела слабой. А затем послал во вражеский стан одного из своих сметливых подчиненных в качестве «продавца соли».

Прошло несколько дней. Чужеземцы, уточнив достоверность молвы, распускаемой «продавцом соли», и неустойчивость оборонных рубежей на пограничной окраине Когурё, расхлябались и вместе с тем только норовили шанс на вторжение в Когурё.

В ту пору Пубунно делал свое дело: однажды под покровом тьмы поздней ночи вместе с находившимися в ожидании воинами незаметно подошел ближе к вражеской крепости и засел в засаде. Утром следующего дня король вместе с малым отрядом войск пошел в бой с врагами. Притворяясь объявить «бой» и быть вынужденными отступать под напором контратаки, королевские войска попятились назад. Дело пошло, как ожидалось: противник, открыв ворота крепости, высыпались из нее. Когда король вывел противника вдаль, Пубунно поднял своих воинов из засады, и они стрелой ворвались через открытые ворота в почти опустев-

шую крепость и мгновенно заняли ее. Узнав ход события, чужеземцы поворачивали свои войска обратно, пытались вернуть себе потерянную крепость. Но их попытка была тщетна: солдаты Когурё и воины, возглавляемые королем, вместе уничтожали врагов. Чужеземные агрессоры попали в тупик, как мышь в чане. Им осталось только сдаться и умолять разрешить им быть присоединенными к Когурё.

По случаю победы в бою в королевском дворце устроен большой банкет, на котором Пубунно потихоньку подошел к Пувиёму и шепчет:

– Слушай, и теперь тебе не по душе такая стратегия, что показать себя противнику слабым?

Собеседник, упрямец, качал головой.

– Нет, не по нраву.

– Ты говоришь это серьезно?

– Да! Я никогда не покажу себя перед врагом вялым.

– Что ты говоришь?

– А то тебя постигнет поражение, как наши враги.

– Хо-хо-хо! – потрясала зал приема громкая хохота собравшихся военачальников.

– Он правду сказал. Урок, извлеченный из поражения, более горький, чем при завоевании победы.

Музыкант Пэкгёль и «Песнь о крупорушке»

Он был известным музыкантом. Жил у подножия горы Рян. Из-за бедноты семье даже было трудно сводить концы с концами. Он ходил в лохмотьях – одежда выглядела связкой ста лоскутьев. Оттого и его называли «Пэкгёль» (по-корейски: «сотня лоскутьев»).

Жизненная тягота не измучила его. Он видел свое счастье только в том, чтобы с использованием *комунго* (корейский национальный шестиструнный музыкальный инструмент) сочинять и исполнять музыку. Он, по-современному говоря, маэстро, умел извлечь из *комунго* звуки, выражающие любые гаммы людских чувств. Слушатели его музыки то радовались, то горевали, то сердились, то изливали недовольство мирскими делами.

Когда-то был канун новогоднего праздника. Из соседних домов все слышались звуки крупорушки – толкут крупы зерен для приготовления праздничных блюд.

Их слышит в комнате жена угрюмая и жалуется:

– Слышишь ты, как толкут зерна к празднику? Только мы остаемся в пустой комнате без хлебов. Скажи, чем мы отметим новогодний праздник?

Муж в легкой улыбке тихим голосом утешает бедняжку:

– Слушай, дорогая, коль так завидуешь ты звукам крупорушки из чужих домов, то я сочиню для тебя песнь утешительную – о крупорушке.

Муж искусно трогал пальцами струны *комунго* – веселая из него издавалась мелодия «Тили-бом! Тили-бом!» Похожих на звуки крупорушки полно в тиши комнаты. И в соседи под эту плавную мелодию, звучащую из дому «сотни лоскутьев», толкли зерна в крупорушке, выучивая «Песнь о крупорушке».

Впоследствии эта песня приобрела большую известность вместе с именем музыканта.

Рассказ мудреца об «Эдикте царя-цветка»

Это было в каком-то году, в один из летних дней. В дворцовом саду, где дует прохладный ветер, король, безмятежно обмахиваясь веером, зовет к себе мудреца Сольчхона.

– Сегодня не стало ливневого дождя, дует ветер – и стало прохладно. А почему-то у меня нет охоты пить водку, слушать музыку. В душе мрачно, пасмурно. Просьба к тебе – утешай меня чем-нибудь, заманчивым из ходящих слухов, что ты слыхал на днях. Есть ли такое у тебя?

– Да-с. Есть у меня простая сказка, что я слыхал, – отвечает мудрец после короткого раздумья.

– Какая?

– Позвольте сказать, о царе цветочного мира.

– О царе-цветке? И среди цветов есть царь, говоришь? Будет интересно! Это я слыхом не слыхал. Расскажи, пожалуйста.

Король, закрывая глаза, прислушивается к нему. Сановник, опустившись на колени перед королем, начинает рассказывать сказку.

Была Страна Цветов. В ней брала свое весна. Расцветают цветы разные, среди которых царь-цветок отличился от других исключительной красотой. И вот с далеких и близких округ наперебой приходили к нему разные цветы и, показывая себя, старались расположить царя цветов к себе. Пред ним больше кокетничала Роза в пышном наряде и застенчивым тоном говорит: «Меня зовут Роза, царь-цветок. Я всегда смотрю на свое лицо в зеркало – чистейшую, морскую воду, как беленький снег, моюсь в весеннем дождике, люблю быть овеянной освежающим ветерком. Тело мое свободное. Позвольте сказать, мое беззаветное желание – душой и телом повиноваться Вашему высоконравственному поведению и быть ближе к Вам, ароматному Вашему Высочеству. Умоляю Вас удовлетворять мою просьбу!» Вслед за ней подходит к царю-цветку Прострел корейский – сутуловатый цветок, шатаясь при опоре на трость. «Ваше Величество, меня зовут Прострел. Вон у подножия высокой горы я расту и цвету. С позволения сказать, издревле поговорка гласит: «Будь сыт

яствами, но дает тебе силу лекарство.», «Имей какую бы то ни было материю – не бросай грубого холста, сшитого из корки травы». Это простейшее поучение побудило меня, неприглядного на вид, прийти к Вашему Высочеству. Взяла меня мысль: не можете ли Вы, Ваше Высочество, заготовить заранее недостаточное?» Два цветка, коленопреклоненные, Прострел и Роза, желая царю-цветку взять их, ждали его ответа. Тут рядом с царем-цветком стоящий сановник, подходя к нему, спрашивает: «У нас в гостях Роза и Прострел. Кого Вы берете, кого Вы бросите, Ваше Величество?» Царь-цветок, переглядывая то красивую Розу, то сутуловатого Прострела, невнятно лепечет: «И слова Прострела правы. Но такую красивую Розу достать трудно. Что из них выбрать-то?» Тут Прострел, делая шаг вперед к царю-цветку, громким голосом говорит: «Среди ставших царем, говорят, редко встречаются те, кто не сближается с лицемером, не отдаляется от человека честности и прямой души. Я сегодня пришел к Вам, послушав, что наш царь-цветок мудр, умен и верен чувству долга. А, думаю, теперь дело табак». Прострел, посетовав, собирался повернуться и уйти. Тут пришедший в сознание царь-цветок вдруг вскочил с места, берет Прострела и просит прощения: «Слушай, я виноват, виноват я!» И царь-цветок решил оставить его у себя».

На этом закончил Сольчхон свой рассказ. Король с закрытыми глазами выслушал его сказку, как будто на минуту дремал, и помолчал. Немного погодя король открыл глаза и, покраснев, может быть, от угрызения совести, обратил свой взгляд на сановника. По-видимому, король довольно смутился.

– Твой рассказ, я бы сказал, действительно глубокомыслен. Напиши все тонкости, чтобы будущие короли считали эдиктом, – вот так король излил свою душу.

Мудрецу Сольчхону такой сказкой, наконец, удалось дать королю свой совет, который давно хотел высказывать ему. Позже эта сказка, грамотно упорядоченная, стала поучительной басней под названием «Эдикт царя-цветка».

Картина Сольго «Старая сосна»

Этот художник с малолетства очень любил рисовать. Жизненная тягота так ужасная, что нередко приходилось проводить день без еды, но у него ни одного дня не проходило без рисования.

Дарование художника достигло такого рубежа, которого никто не мог бы достичь. Однажды его просили рисовать на стене буддийского храма Хванрён («Желтый дракон»), построенного к 560 г. На нем художником изображена старая сосна. Волшебным приемом живописи нарисованная сосна точь-в-точь похожа на живую: могучий толстый ствол многовекового дерева с растрепавшимися, как черепашьи панцири, корами, стойко одолевшего невзгоды лихолетий; зеленая хвоя, ярко сверкающая как бы на предутренней росе…

Сосна с ветвями так жива, что всякие птицы – вороны, орлы, ласточки и воробьи – прилетали посидеть и, ударившись о стену с рисунком, упали на землю. Настенная картина долгие годы передавалась как сокровище Кореи.

Шли месяцы, годы. Картина начала терять свой уникальный цвет от солнечных лучей, снежных вихрей, дождей и ветров. Монахи того храма, очень сожалевшие о выцветании рисунка, со всей искренностью, со всем старанием воссоздавать первоначальные основные цвета живописи взялись за рисование.

Получилась картина старой сосны, но с той поры птицы не прилетали. Понятное дело, равного на таинственный мазок и прием живописи Сольго не нашлось.

Аргумент музыканта У Рыка

Он изобрел струнный щипковый музыкальный инструмент *каягым* и сочинил множество музыкальных мелодий. Однажды король закрепил за ним музыкантов, чтобы они научились играть на *каягыме*. Наставник научил воспитанников приемам игры на *каягыме*, а затем предложил выступать с подобранными мелодиями перед королем. Король, со своей свитой слушая музыку, был тронут и очень рад звукам *каягыма*.

Как-то раз один коварный чинуша, находящийся рядом с королем, клеветнически подсказывает государю:

– Та каягымистская музыка погубила государство Кая. И на мой взгляд поощрять эту музыку не надобится.

Услышав интригана, У Рык с неприкрытым гневом подходит к королю.

– Издревле люди сочиняли музыку. Ради чего? Чтобы передавать или изливать радость и горесть. Те, которые люди не могут полностью выражать словами или действиями. Как же это, сомневаюсь, может быть истоком упадка и отмирания государства?! Если музыка стала бы истоком упадка, отмирания, гибели государства, то, с позволения сказать, в процветающей стране на свете не было бы музыки, она могла бы существовать лишь в катящейся к упадку стране. По-моему, судьба страны – процветание или гибель – зависит не от самой музыки, а от того, как использовать ее. Думаю, процветающая страна продуманно использует музыку, а погибающая страна – нет!

На слова музыканта тот чинуша покраснел, ни слова не мог вымолвить. Король одобрил логичный аргумент У Рыка.

– Ты прав, У Рык. Государство Кая пало. Почему? Потому что его король погряз в разврате и беспорядке, политику проводил не ахти как. Музыка-то ни в чем не виновата. Я бы сказал вот что: как же спокойствие и хаос в стране зависят от музыки-то?

После этого король велел больше поощрять игру на *каягыме* У Рыка.

Тэдонганский поэт

Чон Чи Сан (? – 1135) родился в Пхеньяне. С малолетства его отличал врожденный поэтический талант. Как-то раз мать его пошла на реку стирать белье, неся на спине трехгодичного сынка. Тут мальчонка, увидев стаю чаек над волнами реки Тэдон, сочинил стихотворение.

Чайки белые вон вольно летают,
Поют с поднятыми к небу головками,
Пух белый они в волны погружают,
Топчут воду чистую красными ножками.

Блеск поэтического дарования сделал имя стихотворца широко известным миру. Его поэтова слава вызвала затаенную ревность к звезде поэзии у амбициозного Ким Бу Сика, который хвастливо считал себя в то время венцом литературы. Завистливость стала все возрастать после того, как оба на прогулке у буддийского храма на пари сочиняли стихи. Поэт декламировал двустишие.

В храме молитву Будде кончу,
И небо ясное, как стекло, вижу.

Ким, восхищенный куплетами поэзии, попросил автора подарить ему эти стихи. Но поэт качал головой. В голове у Кима вихрился злой умысел – физически расправиться с поэтом, превосходящим его по поэтическому таланту. Позже в Пхеньяне в 1135 г. вспыхнул т. н. Мёчхонский мятеж местных дворян-феодалов. Как предполагалось, умышленник велел казнить поэта – мол, он имел тайные связи с Мё Чхоном (? – 1135).

После ликвидации своего соперника Ким кичился своим умом: «Теперь на свете не найдется лучшего меня поэта». И тот, сочинив топорное двустишие, хвалился своим «непревзойденным» дарованием. Вот оно:

Тысяча ивовых ветвей все зеленеет,
Десяток тысяч цветов персика алеет.

В ту ночь борзописец в постели с самодовольством декламировал свой стишок и незаметно для себя погрузился в сон. Во сне он видит, как наяву, покойного поэта, который, давая ему пощечину, осыпает его руганью: «Скажи, ты, лжец, считал ли в уме тысячу ветвей, десяток тысяч цветов? Этакое стихоплетство ты сложил?» Чон осыпал его потоком ругани, чтобы тот не посмел поднять голову. Поэт берет в руку кисть и перефразирует.

Тонкие нитки ив веточек зеленеют,
Персика цветы, цветочки багровеют.

Ким посмотрел новинку и, покраснев лицом, не мог ни слова вымолвить.

Понаслышке он, убийца намного лучшего мастера поэзии, весь охваченный тревогой и страхом, вдруг помер не своей смертью в туалете.

«Бедность не помеха»

Хам Ю Ир – человек периода Корё, канцелярист местного ведомства правления, не раз на поле боя с иноземными захватчиками совершил большие ратные подвиги, за что стал военным чиновником. Пройдя ступени карьера, наконец, оказался в составе охраны королевского дворца.

Однажды король вышел за ворота дворца, чтобы ознакомиться с боевой подготовкой воинов. Шло соревнование по стрельбе из лука на большую премию. Хам Ю Ир, заняв первое место, получил в награду немало золота и рулонов шелка.

На улице его дети получили эту весть, побежали стрелой домой.

– Знаешь, мама, у нас большая радость!

– Что вы говорите, ребятки? Радость-то какая?

– Папа выиграл в соревновании по военному мастерству. Первое место занял. Получил от государя большую награду: золото и шелк.

– Правду говорите вы, дети мои?

– Да, на улице сейчас все об этом говорят.

– Может, вы, ребятки, ослышались?

– Нет, это правда. Упоминали папино имя. Спрашивали нас: «Вы, ребятки, не его дети?» Знаешь, мамка, как радовались они!

– Ну и что еще?

– Знаешь, мамка, что они сказали? «Отец твой человек честный да трудолюбивый. Так увлекался военным делом. И Бог узнал все и принес ему такое счастье».

– Одна бабушка нам сказала: «Ну, теперь вам, ребятки, нечему завидовать-то на свете. Сколько золота, сколько шелка! Хватило бы многим поколениям жить-то на широкую ногу!» Знаешь, как завидовала она нам.

Сынок и доченька наперебой с жаром рассказывали все, что услышали на улице, и сама хозяйка дома стала в кое-что верить и, утирая слезы от радости, говорит:

– Боже мой! И теперь к нам, похоже, приходит счастье.

– Мамка, опять ты плачешь? – дочка бросалась в мамины объятия.

– Нет, я не плачу. Я просто очень рада.

– Вижу, ты все плачешь. Ты, я говорю, плакса! Раньше ты со слезами жаловалась: «Сын взрослеет, а нет имущества на его женитьбу». Но и сегодня ты, мама, тоже плачешь, хотя мы говорим: теперь у нас будет золото и шелк.

– Ты, доченька, права, я не на шутку стала плаксой.

– Мама, прошу тебя, теперь плакать перестань. Ведь у нас полно имущества, брата можно женить.

– Да, плакать не буду. Твоего брата женить можно. Да и для тебя, дочка, надо оставить имущество. Чтобы ты вышла замуж.

– И для меня, говоришь?.. Ой-ой, как это хорошо!

Брат, глядя на сестренку, которая балуется на коленях матери, кисло улыбается и осыпает ее упреками:

– Слушай, ты думаешь, что государь присудил отцу премию для нас, для бракосочетания? Негоже так говорить, – а затем сын, словно взрослый, обращается к матери: – Мама, я говорю тебе вот что: за счет этой премии прежде всего надо сшить одежду отцу и тебе. Мне стыдно видеть

отца. Он, чиновник дворца, всегда ходит в старенькой одежде. Почему ему, спрашивается, нельзя ходить в роскоши, как другие?

– И ты прав, сынок мой.

– И вот у меня такая мысль: строить еще большой дом, купить еще и несколько лошадей, купить и земельные угодья, как это делают другие.

– Конечно, и то, что сказал ты, правильно.

– Чего греха таить, надо умножать имущество пока отец в чинах во дворце. Тряхнуть стариной нельзя. Если вдруг его постигнет болезнь, если он будет уволен, то что у нас будет? Только судьбина нищих.

– Скажи, сынок, откуда ты взял такие познания мирских дел?

– У других семей. Все так делают. Дело азбучное.

– Ну ладно. Вернется отец – поговорим, как положено.

– Тут не о чем поговорить! Ты все, мама, объясняй.

– Ладно, так и сделаем. Ум за разум заходит у меня – уже солнце на закате, просто так сидеть мне нельзя. Скоро вернется твой отец.

– Прошу тебя, мама, сегодня накрыть стол обильный. Не забывай и блюда из курятины. А я двор убирать буду.

– Ладно. Этим обрадуем отца.

И вся семья в хлопотах: сын взял в руки метлу, доченька чистит комнату, мать в кухне приготовляет очень вкусную еду. Солнце за горой, алеют вечерние зорьки. Долгожданный хозяин дома входит во двор через ворота.

– Папа идет! – кричит сын со двора.

Вся семья к нему. Сын и дочь у ворот отдают отцу низкий поклон: «Поздравляем тебя, папа!»

– И вы, дети милые, видать, услышали, – отец поднимает детей, охваченных радостью, делающих земной поклон, и обнимает их распростертыми руками.

– Ты, милый мой, принес нам большой праздник! – хозяйка тепло встречает мужа, выходя во двор.

– Такого большого счастья я, правду сказать, не ожидал, – говорит муж.

Все в комнате. Первым говорит сын:

– Говорят, сегодня тебе, папа, большая премия. Это правда?

– Да, много золота, много рулонов шелка. Такая большая премия первый раз в моей жизни. Да и то сказать, все завидуют, все не скрывают

своего восхищения.

– Скажи, папа, когда все это принесешь к нам в дом?

– Вещь это не такая, что возьмешь домой. Понял, сынок?

– Что ты говоришь? Премия это не твоя? – говорит дочь. Все в недоумении хлопали глазами. Тут отец обращается ко всем:

– Эту вещь подарил мне король.

– Раз так, то почему ее не взять?

– Знаете, ребята, премию получил я, но взять ее мне негоже. Я решил продать это золото. Чтобы приобрести новенькую кухонную утварь для наших воинов. У них она сейчас нехорошая. И шелк решил продать. Чтобы дать нашим воинам новые мундиры, новые защитные средства.

– ?.. – жена и дети будто баран на новые ворота, и они ни слова вымолвить не могли. Хозяин дома, заметив мгновенное изменение их настроений, говорит:

– Зачем вдруг омрачились? Может, вам не по душе мое решение?

Жена, то ли по натуре слезливая, плаксивым голосом изливает:

– Какое у тебя бездушие! Дети-то заботятся о семейном хозяйстве, чтоб кое-что накопить при твоей жизни. А ты в семейных делах хуже детей. Вообще это мне непонятно.

– Теперь мне понятно все, что у тебя в душе, – обводя своим взором всех в комнате, он говорит: – Слушай, ты знаешь, что я родился в бедной семье. Жил и живу без помощи других. Будь трудолюбивым, будь честным в жизни, не теряй чувство любви к своей Родине, своему народу. Тогда бедность не помеха. Смогу ли побудить детей своих жить такими помыслами, вот это больше беспокоит меня. За передачу им имущества не тревожусь.

– …

Никто не смел кое-что сказать. Все молчали. Если вечером того дня не заполнили весь двор хозяина его друзья, соседи и воины, пришедшие поздравить его, то его семья, пожалуй, проводила бы всю ночь в молчании.

Бескорыстие супружеской четы

Это было в годы государства Корё. Губернатором Намгёна был назначен человек по фамилии и имени Ю Ын Гю.

То было время, когда чиновники, псевдоприверженцы какого-то учения, проводили время за пустословием и развратом и, как следствие, политика день ото дня становилась более гнилой. Тем более, что каждый местный начальник, ослепленный корыстью, без разбору грабил имущество простолюдинов, гонясь за наживой.

В такое лихолетье само существование такого честного чиновника, как он, не может не быть, образно говоря, слава богу. В первые дни его назначения губернатором подчиненные суетились угодничать перед ним. Однажды какой-то подхалим преподнес ему кучу денег.

– Их сколько? – спрашивает губернатор.

– Маловато, но…

– Значит, вы, угодники, до этого насильственно отняли добро у простолюдин и преподнесли начальству этакие вещи?.. Повторится такая затея – помни, пощады не будет.

Осыпанный резкими упреками поспешно ушел с деньгами. И позже никто не смел подать ему деньги.

Когда-то жена губернатора пострадала из-за грудницы. Потеряла аппетит. Хозяйство семьи было такое, что не позволило купить хоть кусочек мяса и свежую рыбку. Какой-то сметливый чинушка, узнав об этом, достал одного фазана. Передавая его слуге губернаторского дома, он просит:

– Слушай, ни слова не говори, что я его принес. Постарайся, чтобы она попробовала.

Слуга пошел к ней с фазаном и говорит: «Я достал его у родственника». Он собирался выйти из комнаты. Жена губернатора, остановив слугу, журит: «Фазана верни обратно хозяину». Ну что ж, слуге пришлось сказать все, что было. Хозяйка дома, выслушав его, улыбается и говорит:

– Понимаю твою душу, твою заботу обо мне. Сказала бы спасибо большое и тому, кто, беспокоясь обо мне, больной, послал мне фазана. И

помни: фазанина не вернет мне потерянный аппетит. И еще: сиюминутной роскошью моей нельзя очернить чистоту жизни мужа, сохраненную до сих пор. И моя просьба к тебе: верни его обратно.

Между ними шел разговор.

– Это, сударыня почтения, не какое-то ценное подношение. Это, я говорю, одна из частей случайно найденного множества вещей. Делить кушанье с соседями не стоит порока.

– Если муж мой не был бы губернатором, то нам не мешало бы получить блюда от искренне заботливого соседа. Тут ничего порочного не будет.

Ничего не поделаешь – слуга пошел к тому чиновнику и вернул ему фазана. Тот, разрешив слуге возвратиться, погрузился в глубокое раздумье: «Пусть в стране будет хоть десяток человек, таких, как этот губернатор, – дело в стране пойдет на лад».

Почему поэт со слезами покинул Пхеньян?

Ким Хван Вон, талантливый поэт периода государства Корё, слыл звездой поэзии. Любуясь достопримечательностями Кореи, поэт сочинял множество стихов о красоте природы.

Это было в каком-то году летом. На сопке Моран в городе он стоял на беседке Пубёк, с которой бросается в глаза вся живописная панорама Пхеньяна. Поэт видит – прозрачные воды синей реки Тэдон омывают утес Чхонрю и Пхеньянскую крепость, в млечном тумане безбрежно простирается равнина. Он, весь очарованный чудесным пейзажем, долго стоит, как вкопанный. «Какая красота! Виданное ли это дело?!» – не скрывает он восхищения.

Молва о приезде прославленного стихотворца облетела весь город. И многие чиновники и ученые гурьбой пришли на беседку увидеться со звездой поэзии. Все собравшиеся просили поэта подарить им знаменитые стихи о неповторимой красоте Пхеньяна. Бегло взглянув на доски со строчками стихов, висящие то там, то тут на столбах и потолке беседки, он кривит лицо и цыкает. Да и то сказать: не было ни одного живого изображения пейзажа Пхеньяна. И он велит собравшимся: «Убрать этакую грязную писанину. Я сам вам напишу стихи о чудесном пейзаже Пхеньяна».

Опираясь одной рукой на столб беседки и долго стоя, он в мыслях подбирает строки поэзии. И, наконец, просит принести кисть. Он, окруженный плотно стоящими людьми с любопытными глазами, начал водить кистью на полотне шелка.

У длинных стен крепостных – волны плавные,
На востоке полей широких – вершины горные.

Так с одного маху написав, поэт больше не движет кистью. Держа в руке кисть, он долго смотрит с беседки вниз и собирается снова писать на шелке, но все-таки кисть не движется. Любуется он с беседки Пубёк

чистой лазурью реки Тэдон – ему чудится, что стоит на беседке «дворца морского царя», вдруг поднявшейся на поверхность моря. Глядит в даль на равнину в туманной мгле – чувствует себя стоящим у перил «небесного дворца» над облаками. Чем дольше смотрит, тем больше ощущает новые и новые гаммы пейзажа. Не в силах было перенести их на несколькие строки или строфы стихов.

Время торопит, но он, написав всего-навсего две строчки, затрудняется дальше писать. С его лба капают капли пота одна за другой на полотно шелка, и собравшиеся любители поэзии, разочарованные его бездарностью, потихоньку начали уходить с места. Солнце клонится к западу, опускаются сумерки. На беседке он сидит одиноко и, наконец, поломав свою кисть, бьет кулаком по полу беседки и рыдает, давая волю слезам. Сетует он на свою бездарность: «Горькая судьбина моя! Мне не хватает дарования, чтобы описать прекраснейший пейзаж Пхеньяна!»

До поздней ночи он рыдал и, наконец, покинул то место. Впоследствии пхеньянцы повесили эти незаконченные стихи с двумя строчками на столбе беседки Пубёк, а затем на колонне павильона Рёнгван в нынешнем квартале Тэдонмун в Чунском районе г. Пхеньяна. Так делать побудила их не только сама яркая выразительность этих незавершенных стихов, но и их желание вечно гордиться красотой Пхеньяна, которую даже и знаменитый поэт не смог воспевать из-за скудности запаса поэтических слов.

Стрела из лука, воткнутая в губу

Чвэ Ёну (1316 – 1388), прославленному военачальнику государства Корё, скоро будет 70 лет.

То было лихолетье: на берегах моря частенько совершали набеги японские самурайские пираты, убивали мирных корёсцев и отнимали у них добро. Корёское государство направило в бои с ними рыцаря Пак Ин Гю, но ничего не было получено кроме поражения, сам военачальник погиб. И, естественно, морские пираты все больше распоясались, ущербы у местных жителей все росли.

Встреченный этой горестной вестью, Чвэ Ён, уже человек с седыми волосами, высказался пойти на поле брани. Вначале король государства не мог согласиться с ним – мол, этому человеку слишком много лет. Но у него просьба упорная и неотступная. И государь, наконец, дал согласие.

Чвэ Ён добрался до побережья и начал приводить в порядок войска. С ними он ринулся в бой, но сопротивление пиратов было жестокое.

Военачальник сразу велел бить в барабаны – мол, ворвись в стан противника. Но корёские воины не смели атаковать, в нерешительности начали колебаться. Да и то сказать: япошки, скрываясь в дебрях леса, из-за скал бешено обрушивали на них стрелы из лука.

Чвэ, стиснув губы, зорко следил за полем боя.

Ситуация сложилась действительно неблагоприятная для корёсцев. На минутки мог бы остановить стычки с врагами, а затем, норовив удобный шанс, возобновить бои. Однако он не отказался от данного им приказа. А то у диких самураев, хотя бы на минутку, все больше поднимется, конечно, пиратский порыв. Главное – в том, что его душу больше терзала тревожность – при каждом столкновении с неблагоприятной ситуацией у воинов будет зарождаться привычка колебаться и быть в нерешительности. В ту минуту Чвэ, смелый военачальник, крикнул своим воинам: «За мной вперед, братцы!» И сам, пришпорив коня, ринулся во вражеский лагерь. В миг одна из вражеских стрел, градом прилетевших к нему, воткнулся ему в губу. Губа в струйке красной крови. Однако, как будто не замечая свое ранение, то и дело вынимая стрелы из колчана, направлял

их на самураев, каждая из них попала во врага.

Островитяне, насмерть перепуганные, показали пятки. Став очевидцами бесстрашия своего начальника, корёские воины с восторженными возгласами, приподнятым боевым духом перешли в атаку. Пираты, даже не смев скрестить шпаги, все бежали назад во всю пору. Увидев, как чужеземцы, бросив кто куда луки, удирают, тот смельчак вытащил из губы воткнутую стрелу.

Отбив первый набег противника, он обращается к своим солдатам:

– Слушайте, братцы! Как же вступившим в бой воевать с противником, трусясь раньше него?!

Воины, не смевшие поднять голову от стыда, снова могли познать еще одну истину его триумфа в каждом бою. Ту, что вместе с применением непревзойденных приемов боя не будь раньше подавленным перед врагом, посылай хотя бы на одну стрелу из лука больше, даже не успев выкинуть стрелу, воткнутую в губу…

Как спустя 10 лет он становился «святым»?

Это было в один из сентябрьских дней 1582 г., т.е. за 10 лет до Имчжинской отечественной войны нашего народа против японской агрессии (1592 – 1598). Ли И (1536 – 1584), чиновник первого класса в правительстве, обращается к королю:

– Ныне ситуация как на севере, так и в Японии серьезная. Помоему, не пройдет и 10 лет – в нашей стране случится большое несчастье. Желательно бы заранее подготовить стотысячные войска.

– Сто тысяч воинов, говоришь? – не без сомнения спрашивает король.

Ведь только что в разгаре шел разговор о «моральном кодексе», об «этикете приличия», за которые ратовали «святые» люди прошлых времен, а тут вдруг вопрос о подготовке вооруженных сил. Чиновник, думая, что король желает его дополнительных объяснений, продолжает свой рассказ:

– Следует иметь стотысячные войска, а военнообязанные должны, по-

моему, подсменно проходить 6-месячную боевую подготовку. Такая посменная подготовка позволит охранять не только столичную крепость, но и каждую местную, провинциальную крепости. Какая бы то ни было неожиданная угроза постигнет страну, ей нетрудно будет поднять сто тысяч войск. А если просто сидеть сложа руки, то при возникновении войны нам придется поспешно угнать в поле боя не обученных простолюдинов. Тогда дело уже будет поздновато.

Кстати, в голове у короля этой проблемы не было, и он на минутку только хлопал глазами. Не реагируя на предложение, государь, обводя взглядом свою свиту, спрашивает:

– Ну, теперь скажите, каковы ваши взгляды на его предложение?

Но и они, как государь, неожиданно натолкнулись на такой вопрос, и никто не реагировал – довольно долго не нарушалось молчание.

– Значит, у вас, господа, одинаковое мнение?

Король все торопил с ответом, и, наконец, выступил один из сановников – Рю Сон Рён (1542 – 1607):

– Его предложение о наращивании вооруженных сил в принципе верно. Но, я бы сказал, каждому делу есть свое время. Нынешнее время-то мирное, спокойное, и его предложение не кстати. Если в такую пору вдруг взяться за подготовку стотысячных войск, то у всех хлопот полно будет. Да и это навлечет на себя беду.

Выслушав его, король оглядывается на собравшихся и понял, что и у других чиновников, казалось бы, такое же мнение, что у Рю Сон Рёна.

– Его предложение не подходит времени. И я не могу согласиться с ним, – говорит король.

В ту минуту Ли И обращается к Рю Сон Рёну:

– Нельзя же, конечно, обвинять обычных ученых в том, что они, зарытые в кучи стареньких канонов, не предвидят нынешний ход ситуации. Но как же ты, Рю, об этом говорить смеешь? Понимаешь, даже хлеборобы в жизни смотрят на один год вперед. А ты, вижу, занятый государственными делами, не умеешь посмотреть на 10 лет вперед. Как тебе не стыдно?!

Рю, краснев до ушей, не мог найти никакого ответа.

С той поры прошло 10 лет. И, как предполагалось, в 1592 г. вспыхнул пожар Имчжинской отечественной войны.

Лишь тогда Рю, схватившись себе за голову, жаловался за свою судьбу: «Да, он был прав! Ли Рюль Гок (псевдоним Ли И) стал, наконец, святым на сегодня!»

Тот в глубине души раскаялся в своих проступках, в том, что он в том году не мог всей душой поддерживать предложение мудреца. Но, как сказал Ли, раскаяние в своих проступках, навлекших на себя беду, уже поздное. В то время мудрец Ли уже ушел из жизни, и это раскаяние больше и больше терзало душу Рю.

Не разболтай – кто виноват?

К 1437 г. однажды король Сечжон, весь разгневанный, выкрикнул на собравшуюся свиту.

– Что же это такое! Насколько мне известно, с северной окраины шлют королю письменное донесение с пломбой – уже широко распространяется его содержание на улицах еще до прибытия его до королевского дворца. И еще: секретную директиву подает королевский дворец – сразу ходит об этом молва еще до получения ее начальником провинции Хамгён на северной окраине. Скажите, господа, в стране есть ли надлежащая дисциплина?

Дело приобрело такой серьезный оборот, что королю не терпелось крикнуть на всех.

Что касается того времени, то государство направило Ким Чон Со (1390 – 1453) на северную окраину страны, чтобы он отбил наскоки иноземцев и принял разные меры обороны северной местности. А если этот военачальник с окраины извещает об обстановке у противника, то уже до получения королем информации об этом уже на улицах летит молва, как на крыльях: каждый услышанный по своему, по своему нраву пускает слухи – мол, теперь стране придется завербовать огромное количество войск, да и скоро страну постигнет военное бедствие, словом, все ходила всякая шумиха. Когда король отдает Киму тайный приказ об обуздании врагов, то воины и жители окраины раньше его узнают об этом и шушукают. Кончилось дело отнюдь не этим. Даже противник, осведомившись об этом, заранее удрал или взялся уже за принятие оборонительных мер. Значит, это не могло не быть большой головоломкой.

– Чтобы не погубить дело государства, чтобы ввести в стране надлежащую дисциплину, придется немедленно узнавать, кто разглашает гостайну, и наказать виновника сурово, чтобы все граждане были бдительными. Скажите, кто из вас, господа, может узнать, кто виноват?

Бог знает, какая тайна в этом скрыта. Никто не уверен дать ему ответ.

А король торопит с ответом – и министры, переглядывая друг на друга, все поворачиваются лицом к Хван Хи – председателю госсовета. Он волей-

неволей делает шаг вперед к королю:

– Прошу, государь почтеннейший, дайте мне сроком 10 дней. Все я раскрою.

Так дав обещание королю, Хван, и без разговора с министрами, вернулся к себе домой.

В следующий день он, как по привычке, до завтрака пошел в уборную. А он вдруг, погрузившись в тяжелую думу, даже не хотел взять ложку на завтраке. Жена его, обеспокоенная, расспрашивает:

– Что с тобой? Болит ли у тебя что-нибудь? Какая тревожность тебя взяла?

На повторный вопрос жены муж молвит:

– Знаешь, лапушка, утречком пошел в уборную, а вдруг, увы, из живота моего вылетела птичка – широкорот (по этническим преданиям, в старой Корее птица зеленой окраски, широкорот, означает распространительницу свежей новости – ред.) и ай-да порхнула на воздух!

– Широкорот вылетел? Из заднего прохода?!

– Что за диво! Какая это странность?! Помни: никому об этом не говори. Хорошего не будет, если люди узнают, что у меня, председателя госсовета, из заднего прохода выпорхнула этакая птичка зеленой окраски.

– Не беспокойся, дорогой. Верь – никому не скажу.

День клонится к вечеру. Супруга чиновника вместе со служанкой возилась с выстиранным бельем в комнате. Вдруг ей вспомнилось то, что сказал муж, ей на лице заиграла затаенная улыбка. Служанке казалось бы, что дражайшая хозяйка насмехается над нею, и она расспрашивает, зачем смеется. В ответ:

– Чем черт не шутит. Виданное ли это дело? Знаешь, сегодня утречком, говорит он, пошел на двор, а вдруг, откуда ни возьмись, из заднего прохода выпорхнули одна-две птички зеленой окраски.

– Боже мой! Как же это так? Откуда широкорот?

– Было так. Ты об этом никому не говори.

– Поняла. Никому не скажу. Ведь это дело с его благородием. Можете не беспокоиться.

Настала ночь. Служанка, лежа с мужем в постели, собралась заснуть, а вдруг ей вспомнился рассказ о той птичке –

широкороте, и она начинала заливаться звонким смехом. Муж не без сомнения думает: «Может, она, лапушка, смеется, наверное, вспоминая, как интересно было играть в постели с другим мужиком», и грозно говорит:

– Чего тебе смеяться? Скажи прямо, в чем дело-то?

Ну что ж, ничего не поделаешь. И служанке осталось только рассказывать все, что услышала о птице зеленой окраски.

– Это ты говоришь серьезно? Значит, четыре-пять птичек вылетели из заднего прохода у его благородия?

– Совершенно верно! Прошу, никому об этом не говори!

– Кому же сказать! Не беспокойся, дорогая.

Днем следующего дня муж служанки со своими друзьями пошел на базар попить горилку. Любители водки во хмелю сидят в трактире. Видят – у окна кабака на минутку сидит воробей, а затем порхнул в воздух. И мужу служанки вспомнился небезынтересный рассказ о широкороте, о чем шептала жена в минувшую ночь. И у него рот растянулся в широкой улыбке – заразился смех. Его друзья по выпивке спрашивают:

– Что с тобой? Ты свихнул-а? Чего ты смеешься?

Чтобы не гневить коллег, тот излил всю свою душу, рассказывая о той странной птице.

– Слушай, дружок, это правда? Так, из заднего прохода его благородия выпорхнули птички – и то не одна, не две, а целая стая? Ба! Боже мой!

– Братцы мои! Очень прошу вас, никому об этом не говорите. А то будет известно, что моя лапушка во всем виновата. Кары жестокой не избежать.

– Не беспокойся, друг. Мы, бедняки, едины моральным долгом. Слово будем держать. Это пустяки.

Прошло несколько дней. Король торопил председателя госсовета с раскрытием источника разглашения тайны, а затем вывел за дворец чиновника ведомства дворца, чтобы узнавать, как идет дело. А тот раньше осведомлял короля о том, что сам Хван Хи почти не занимается розысками. Однажды ночью этот чиновник ведомства, занимающийся охраной, уборкой и т. п. во дворце, передал королю рассказ о том, что на улицах ходят шумные слухи о птице-широкороте.

– Вот оно что! Вылетели, говоришь, из заднего прохода Хвана тысячи

птиц зеленой окраски?!

Король диву давался:

– Вот поди ж ты! А почему Хван, председатель госсовета, не сообщил мне об этом? Это не дело.

Король приказал немедленно привести его. Входит председатель госсовета, тут король, совсем разъяренный, осыпает его расспросами:

– Почему ты, скажи, не выполнил приказ, не уточнил, откуда просочилась тайна? И еще: почему не доложил о странностях, о том, как из твоего заднего прохода вылетели тысячи птичек?

Делая шаг вперед к королю, Хван отвечает:

– С позволения сказать, и Вам, Ваше Величество, уже доложено об источнике разглашения гостайны.

– Когда это было доложено? Ведь за это время тебя не было во дворце?

– Это птица, широкорот, разгласила гостайну.

– Что ты говоришь? О птице синей окраски? – недоумевал сам король.

Хван Хи начал рассказывать об этой птице – широкороте, выдуманной им самим.

– Теперь все ясно. Значит, эта одна птица за несколько дней породила тысячи птенцов. И во всем городе. Вот где зарыта собака!

– Да-с, так точно. Гостайна просачивается, хромает дисциплина в стране. В этом виноваты все чиновники не только центрального, но и местного ведомства. Все они, как я, каждый день рожали птичек зеленой окраски.

Король тут же приказал оповестить всех чинуш страны о случае с этой птицей. После этого, говорят, не стало случая разболтать государственный секрет.

Ким Си Сыб – блестящий ум

Он, врожденный талант (1435 – 1493), уже в восьмой месяц после своего рождения выучился грамоте.

Мальчуган светлого ума уже с трех лет начал познавать суть мирских дел и писать стихи. Из его поэзии тех лет до наших дней передаются стихи.

Персика цветы алые, ивы зеленые – позади,
Дни мартовские на исходе весны.
Бусинки на иголках зеленых – впереди,
Блещут росы капельки на хвое сосны.

Людская молва – что морская волна, и во дворе у него дома всегда полным полно людей. Однажды человек по фамилии и имени Хо Чжу, занявший в то время должность председателя госсовета, знал его понаслышке и навестил его, хотя это было поздно. В то время малолетнему поэту было пять лет. Бывший чиновник обеими руками высоко поднял мальчика, играющего в комнате, и, посадив его на свои колена, просит:

– Слушай-ка, мальчик. Перед тобой человек старого возраста. Сочиняй, голубчик, для меня стишок о пожилом человеке.

Не успел оглянуться, как мальчик посмотрел его с головы до ног, взял кисть за стихотворением.

Дерево старенькое в свежих цветах всегда –
Душа у вас не стареет никогда!

Строки стихов сильно удивили старого гостя, и у него глаза на лоб лезут. Довольно долго смотря на него большими глазами, он вдруг поднял мальчика, вращается в комнате кругом и не скупился на похвалы:

– Вот это да! Не найдешь на свете такого таланта. Ты, я бы сказал, настоящий талант из талантов!

Ким Си Сыб, своим природным дарованием изумлявший всех людей, повзрослев, сам отказался от своего желания восходить по ступеням ка-

рьеры в госдолжности по гражданскому разряду, обстриг себе голову наголо и стал монахом в горной глуши.

В те годы Сечжо, король 7-го поколения Чосон феодальной династии, влезший на королевский престол после выгнания предыдущего Танчжона, не раз направлял курьеров с заданием пригласить его на государственные чины, но он до конца не пошел на служебную карьеру.

В его слове к своему близкому другу фигурирует фраза: «Душа моя и мирские дела так расходятся, что попытка воткнуть в круговидное отверстие угловатый шест. Мне приходится жить-поживать, скитаясь по белу свету». Прочитав в нем его помыслы, его друзья и другие знакомцы не без сетования говорили: «Думали мы, что его мудрость блестит только в поэзии и других сочинениях. Но его светлый ум больше дает о себе знать в познании такого нечистого света».

Как остановил 5-летний мальчик процессию чиновника

В те годы страной правил король Мёнчжон.

Весна брала свое. На холмике у большака дети деревни под раскидистым деревом увлекались выучением наизусть тысячи иероглифов в книге.

На большаке вдруг, откуда ни возьмись, появилась великолепная процессия с высокопоставленным чиновником. Ученики, вскочив с места, наперебой спустились с холмика на дорогу любоваться роскошной процессией. Но только один мальчонка лет не больше пяти остается на месте за чтением книги.

Чиновник, увидев страстного чтеца, не без любопытства выходит из паланкина и поднимается на холмик, где читает мальчик.

– Слушай, мальчик, почему ты один сидишь здесь? Ведь все остальные любуются процессией.

– Позвольте сказать, мой отец говорил мне: «Ты увлекайся только чтением», – четко отвечает он, глядя на чиновника.

Глубоко тронутый ответом, чиновник не мог просто уйти. Он расспрашивает мальчонку: «Где твой дом? Кем работает твой отец?», и, вызвав

отца мальчика, говорит:

– Сын твой необыкновенный. Уверен, что впредь появится у нас в стране настоящий ученый.

Так похвалив мальчика, чиновник тронулся в путь.

Чиновника тронул мальчик по имени Чо Хон. Он родился в июне 1544 г. Его отец – Ын Чжи, мать его – по фамилии Чвэ. С детства сын держался довольно достойно, отличился преданностью родителям. Больше любил помогать родителям в домашнем хозяйстве, чем играть вместе с ровесниками деревни.

10-летний сын лишился матери. В трауре он так совершил поминки, что все односельчане восхищались его сыновней почтительностью. С 10 лет он начал учиться грамоте у Ким Хвана. Каждый день ночью он в комнате под светом горящей деревянной ветки читал книгу, а днем во время работы на поле он, поставив на меже вешалку с книгой, урывками читал книгу.

Повзрослев, он сдал экзамен на государственную должность и получил чин ведающего проведением церемонии по жертвоприношению в королевском дворце и делом определения почетного звания умерших высокопоставленных чиновников. В то время он, разгневавшись надменностью японцев, подал королю петицию с предложением порвать отношения с Японией и наращивать силы государства, за что ему пришлось жить в ссылке. Во время Имчжинской отечественной войны первым создал Армию справедливости и погиб в бою с японскими агрессорами смертью храбрых.

Как жена наставила мужа на ум

Шли летние дни 1588 г. Однажды Квак Чэ У (1552 – 1617) неподвижно лежал в комнате, хотя солнце уже на зените. Для любого мужа нет большего стыда, чем осуждение своей жены родными или соседями. Эти думы заставляли Квака ворочаться в постели.

Его первая жена по фамилии Чо, к несчастью, умерла по болезни. И зимой какого-то года, когда Кваку было 39 лет, он снова женился на женщине по фамилии Ли.

Прошло три дня после того, как она вышла замуж. А уж с четвертого дня новая жена только знает, что спит. Немножко сомкнуть глаз после обеда в полдень – дело, конечно, понятное, не порок. Но у нее дело уж не такое. Не успела отодвинуть стол завтрака, как уже ее голова на подушке, лежит спать на полу комнаты. Только к обеденному часу еле-еле открывает глаза и сушит миску с кашей, опять на том месте лежит – и сопит носом. Порой бывал день, когда соня, даже пропустив обед, погрузилась в сон от зари до зари.

Квак по натуре был человеком настоящего мужского характера, был сильным рыцарским духом и с молодых лет у него было много друзей – он ходил вместе с ними за сочинением, выпивкой. Так проводил день за днем. И после того, как пришла новая жена, днем он почти не заходил в женскую половину, так что не заметил, что она – сонная тетеря. Однако с течением времени он слыхал, что вся семья бросает на нее косой взгляд, да и за глазами соседи шушукаются о чрезмерной сонуле.

Даже услышав об этом, он думал: «Вряд ли это так?», и нарочно входил в ее комнату и заглядывал, как она днем спит. «Посмотрю, что с ней будет дальше» – с такой думой он ни слова не вымолвил. Проходил день за днем, месяц за месяцем, но ничего у нее не изменилось. Настал сотый день сожительства. Он потерял всякое терпение. Он твердо решил: либо сейчас же отучить жену от дурной привычки, либо вернуть ее обратно в свой родной дом.

Солнце стояло в зените, и все другие труженики семьи пошли на поля работать. Дома было тихо. Муж, наконец, встает с места и входит в женскую половину. Видит – жена опять спит и днем. Спит сладким сном, закрыв половинку лица рукавом кофты. Оттого ли она не просыпается даже и при открытии мужем двери. В груди его поднялась горячая волна, и муж, скрепя сердце, не раз расталкивает ей плечо. Жена, еле-еле открывая глаза, смотрит наверх, стараясь узнавать, кто же будит ее. Наконец, узнав мужа, быстро встает и сидит в стороне.

– Слушай, виданное ли это дело у тебя? – не сдерживая всплеск возмущения, отбросив первоначальное намерение потихоньку уговаривать ее, муж сердитым голосом крикнул:

– Опозорить мужа – это другое дело. Каково у тебя намерение? Куда направить ты хочешь семейное дело?!

– …

Муж, страшно вытаращивая глаза, словно что-то делать с женой, выкрикнул, но хозяйка дома только приводит в порядок разворошенные волосы и внешний вид. Спокойное поведение жены еще больше разъярило мужа.

– Отвечай, живо! Зачем ты вышла замуж? Чтобы или заботиться обо мне и налаживать семейное дело, или огорчением погубить меня и мою семью?!

– Чего ты орешь, в чем я виновата?

– Слушай, ты хозяйка дома, правда? Вижу: ты не убираешь комнату, не идешь работать в поле. Только спишь даже днем. В этом ты не виновата?

– Хозяйка только спит днем – губит хозяйство семьи. Это сказано верно. Однако, по-моему, и семья будет в покое, когда страна не погибнет. Если разобьется гнездо, то будут ли целы яйца? Так я дело понимаю.

– В смысле? – недоумевает муж.

– То же самое, я говорю, со страной. Она похожа на птичье гнездо. Теперь страна в опасности. Страна наша грозит падением. С севера и юга на нас бросаются иноземцы. А я вижу: ты не журишь, просто оставляешь в покое тех, кто только беззаботно пробегает книжечку и проводит день за днем в пьянстве. Как же ты смеешь упрекнуть – мол, погубишь семейное хозяйство, такое мелкое, как одно из яиц?

– Что ж тут такого? – кроме этого слова не мог ничего сказать муж, ошеломленный неожиданным ответом жены.

Сказана ей правда. Ее муж и его коллеги ходили ватагой – мол, за чтением и попойкой. Из ума вон мысль о том, что на днях за морем япошки свирепствуют, чтоб вторгнуться в нашу страну. Но мужа и его друзей взяла мысль: поставить заслон вторжению иноземцев и защитить страну от них – это, дескать, дело рук королевского дворца.

Он задним умом был крепок: он знал, что жена только спит днем – дело семьи пойдет насмарку, а забыл, что если хозяин дома во хмелю проводит день за днем в чтении грамоты, то стране будет суждено гибнуть.

Словно набрав воды в рот, муж вышел из ее комнаты. Со следующего дня он расстался с выпивкой и собрал друзей за народным танцем в

артели, охотой с соколами и другими мероприятиями, что помогло им в освоении искусства воина.

С той поры жена перестала спать днем, от зари до зари занималась домашним хозяйством, взяла на себя все дела в поле, чем помогала мужу в усовершенствовании подготовки к бою. Позже, через несколько лет, вспыхнула Имчжинская отечественная война с японскими самураями. В те годы муж как предводитель Армии справедливости начал прославлять свое имя.

«Сокровище» Кореи

Шла Имчжинская отечественная война против японских завоевателей. Однажды Великий монах Кореи Сонъун-дэса (псевдоним: «Мелодия, что слышится на ветру на сосне», или его называли Самёндан) в одиночку пошел во вражеский лагерь для проведения переговоров с главой японских войск Киёмаса Като, который спрашивает партнера по диалогу:

– Я слыхал, что Корея изобилует сокровищами. Можете ли вы сказать, какое сокровище считается лучшим?

Сонъун-дэса спокойным голосом отвечает:

– В Корее сокровищ – хоть пруд пруди. Но сейчас самое неоценимое из них, я бы сказал, имеется, наоборот, в Японии.

– Оно есть в Японии, вы говорите?

– Пока что не понимаете?

– Прошу вас сказать, какое это сокровище?

– Это не что иное, как ваша голова.

– Что вы говорите? Моя голова?

– Незачем вам удивиться. У нас в стране решено: тот, кто срежет вашу голову с плеч, получит большую премию. Значит, она не может не быть сокровищем из сокровищ! Не так ли?

Като, разинув рот, с темневшей мордой не мог сорвать изо рта ни слова. После этого японский главарь войск, насмерть подавленный бесстрашием и дерзостью Сонъун-дэса, больше не мог горделиво поступать на переговорах.

Пак Да Чжи

Он был одним из десятерых пхеньянских военачальников – защитников Пхеньянской крепости в годы Имчжинской отечественной войны. Его настоящее имя – Пак Ок. Прозвали его Пак Да Чжи («Да» в переводе – большой, «Чжи» – ум). То есть он был человеком с большим умом. Его имя стало более широко известно ратной мудростью и доблестью в бою за оборону отмели Вансон на реке Тэдон.

Это было в июне 1592 г. Заречье было занято японскими самураями. Чтобы остановить их наскоки, войска и ополченцы Пхеньянской крепости решили оборонять в первую очередь перекаты реки, по которым противник мог бы переправиться. И десяти пхеньянским военачальникам было поручено оборонять Вансон из многих мелководных отмелей. В то время корейские войска пока еще не были в полной боеготовности. Пак Да Чжи было поручено задание: вместе с ополченцами занять боевые позиции у отмели. Другие, взяв в крепости стрелы из лука, копья и сабли, стали следовать за Паком. На месте они делали большие глаза. Что же это такое! Они видят: заранее прибывший Пак занимает боевую позицию не перед отмелью, а внизу, у глубоководной реки, – ставит знамена, строит брустверы.

– Пак! Что здесь делают твои бойцы?

– Ну и что? Думаешь, я ошибся?

– Нечего говорить! Нам обороняться не здесь, а наверху, на Вансоне!

– А что, ты думаешь, я, пхеньянец, не знаю, где отмель Вансон?

– А зачем здесь занять позицию?

– Чтоб оборонять Вансон.

– Если это так, то надо занять позицию у отмели Вансон. Зачем укрепиться у глубокой реки? Сюда не явится враг, – нетерпеливо расспрашивает Хён Су Бэк, человек с резким характером, прозванный Тандор («Нетерпимый») за то, что ему не терпится сказать другим свое слово.

Пак, любитель шутки, невозмутимым, спокойным тоном отвечает:

– И противник думает так же, как мы. Вот почему я здесь строю боевую позицию, понял?

– Не понял. Противник, ты говоришь, думает так же, как мы?

Не успел Пак ответить, как отовсюду слышатся крики: «Вон там явились япошки!» Да и то сказать: за рекой, ниже насыпи, набегают сотни самурайских солдат, поднимая за собой облака пыли.

И остальным военачальникам Пхеньянской крепости, не успев устроить боевой лагерь на Вансоне, пришлось на позиции, занятой Паком, готовиться к бою с противником. Они наблюдали за действием япошек, тревожась, как бы не враг направился в сторону Вансона, минуя лагерь корейских войск. К счастью, противник, добравшись до противоположного берега, дальше не двинулся и начал стрелять из фитильного ружья в сторону позиции корейских ополченцев, где полощутся флаги. По команде Пака ополченцы стреляли из лука. И противник с отчаянным криком еще яростнее стрелял из мушкета. Пак приказывает: «Братцы! Стреляйте мало, и то не в даль заречную, а на середину реки». Он хотел, чтобы врагам казалось, что пхеньянцы, перепуганные огнем из ружья, пали духом.

Самураи, по-видимому, не собираясь упустить шанс, сразу вместе впрыгнули в реку и начали изо всех сил переправляться. Когда почти все самурайские орды оказались в глубокой воде, Пак дает всем ополченцам очередной приказ – одновременно пустить стрелы. Япошки на реке под градом острых стрел начали один за другим тонуть ко дну. Следовавшие за первой группой соплеменников, самураи, увидев эту ужасную картину, показали пятки. И оставшихся в живых были единицы.

Бой увенчался победой ополченцев. Громко раздались восторженные возгласы победителей. Пак, похлопав по плечу Хён Су Бэка, во весь голос кричащего «Ура!», говорит:

– Ну что ж, увидел? Самураи думали так же, как мы. Думали они, что мы будем обороняться только на мелководье. Если не так, почему они впрыгнули в глубокую воду перед рубежом нашей обороны, не дойдя до незащищенного мелководья? – расхохотался Пак.

Закатились громким смехом ополченцы и другие военачальники, восхищенные находчивостью умного Пак Да Чжи, который оставил япошек в дураках.

При покупке *кат*

Кат – это мужская шляпа в старой Корее, сделанная из конских волос. Когда-то Син Чэ Хё (1812 – 1884) вместе со своим другом пошел на базар купить этот головной убор. Он подходит к одному из торговцев, спрашивает:

– Хотите вы продавать *кат*? Цена какая?

Продавец отвечает, что все у него в продаже, и предлагает цену. Покупатель выбирает хороший *кат* и, платив за товар, говорит:

– Спасибо за хороший *кат*.

Поблагодарив его, покупатель шагает к другу, который с недоуменем спрашивает:

– Какие погрешности ты совершил?

– О погрешностях говоришь? О каких?

– Как же ты, дворянин, ведешь себя так в обращении к этакому ремесленнику?

– Видать, ты упрекаешь меня за уважительное обращение к нему? – закатился он громким смехом.

Понятное дело: в те годы дворянам абсолютно было не дозволено уважительно обращаться к «презренным людям» из низов, особенно к кустарям, к которым относились ниже человеческого достоинства.

А вот дворянин Син вежливо относится к ремесленнику из низкого сословия, этакому изготовителю головного убора *кат*. И, естественно, его друг не мог не даваться диву.

После громкого смеха Син обращается к другу:

– Слушай, друг мой, ошибся не я, а мирское дело устроено так смешно.

– Человеческие обычаи смешные, говоришь?

– Я говорю вот что: дворяне унижают кустарей, презрительно относятся к ним, а *кат*, сделанный ими, надевают на свои головы и ходят куда надо.

Друг, ничего не сказав, усмехнулся криво и горько.

Справедливый судья

Это было в бытность Хам Чхи У управляющим делами провинциального ведомства. Однажды к нему пришли молодые братья дворянского сословия предъявить иск. Дело в том, что у них дома есть два котла – большой и малый, а каждый из них желает присвоить большой. Ссора вокруг этого вопроса шла довольно долго, но никто не уступал – и они пришли за его справедливое решение.

Управляющий спрашивает:

– Что случилось с этими котлами?

В ответ:

– У нас отец родной вдруг ушел из жизни, и то без никаких заветов, мы договорились все имущество дома разделить ровно пополам. А вот проблема с котлами разного размера.

Старший брат желает взять котел большой, ибо он сын в семье старший, а младший не хочет ни в чем не уступать – мол, мы уже договорились разделить все поровну.

Послушав их жалобу, управляющий не скрывал сетования:

– Гм… Вижу, каково чувство морального долга у сыновей дворянской семьи. Раз так, как же создать в жизни и быту высокую нравственность?

Кисло улыбнувшись, чиновник громким голосом велел подчиненным:

– Разбить эти два котла, положить куски на весы, а затем разделить их поровну!

Тут же два брата делали большие глаза, переглядывались друг на друга. Они умоляли правителя отказаться от иска. Но его подчиненные по приказу начальства топорами разбили котлы, взвесили кусочки, а затем подавали их двум братьям поровну. В руках каждого из них – только одни кусочки железа. Горький смех да и только.

Стирается одежда вместе с телом

Чон Су Дон по делам ходил в крепости. Настала ночь, и было запрещено в городке передвижение. И он не мог вернуться к себе домой. Ничего не поделаешь – пришлось пойти в дом старого знакомого Кима, чтобы ночевать одну ночку.

Хозяину дома было приятно встретиться с Чоном, но он не мог скрывать свое беспокойство.

– Ким, ты, вижу, в не так хорошем настроении. Болеешь, что ли?

– Болезнь-то тут ни при чем.

– А что тебя беспокоит?

– Что греха таить. Сегодня ночью надо бы справить поминки по старшему брату моего отца.

– А почему ты не идешь на поминки?

– Я ошибся: поминки справляются в последний день жизни покойного. А только что у меня был в гостях старший соседнего дома. Поминки, говорит он, положено справить накануне дня. Беда какая!

– Да, это дело не до смеха. Слушай, раз ты теперь узнал это – иди, я говорю, сейчас же!

– И это я знаю. Но уже теперь время запрета передвижения. Что мне надо делать-то?

– Не беспокойся. Иди! Чего там!

– А если столкнуться с патрулем? Тогда, не говоря уж о поминках по покойному, живого человека постигнет беда.

– Что за беда! Зря! Судьба не тебе попасть в беду, понял? Рискнуть на это, думаю, у тебя первый раз. Ночью встречи с патрулем не будет. А то я все сделаю. Ну, айда, быстрее!

Ким, ободренный словами друга, взяв с собой продукты для поминок, вместе с ним вышел на улицу. По переулкам городка, смутно видным при лунном свете, шагали в сторону Тхосонран во избежание встречи с ночным патрулем, который рыщет по всем уголкам. Как поговорка гласит: «Повстречаться с недругом на одной жердочке, перекинутой через реку», они попали в глаза патрульных в узком переулке.

– Видишь, дружок, навстречу нам идет патруль.

– Придержи язык. Я поведу их за собой по той дороге, которую только что мы прошли, а ты вон там на минутку спрячься. Пройдут они – пойди дальше своим путем. Понял?

Чон, спрятав друга близко за углом, повернулся назад и шумными шагами побежал обратно по тихому переулку, словно развевая длинные белые рукава мужского халата. Перепуганные шумным топотом беглеца, патрульные видят его и орут:

– Стой сейчас же, мерзавец!

Пять-шесть солдат ночного патруля тут же шумной ватагой очертя голову бежали вслед за удаляющимся. Чон ловко обошел переулки. Преследующие, идя туда-сюда, наконец, потеряли след беглеца. В это самое время Чон ловко поднялся на стенной забор дома какого-то богача у дороги и ничком лежал на нем. Патрульные, безумно следовавшие за ним, добрались до забора, где ничком лежит Чон, и под ним шушукали: «Прибежал он в эту сторону. Куда попал тот? Черт знает…» Тут один из них указывает пальцем на забор, где лежит Чон.

– Что это такое? Вон там.

– Где?

– Не видишь на заборе беленькое?

– Это не тот, кто бежал сюда?

– Эй, сволочь, спрыгни! Живо!

Другой патрульный тронул лежащего шестиугольной дубинкой.

– Что вы делаете? Почему трогаете? – громким, даже сердитым голосом кричит Чон.

– Слушай, подлец, зачем ты лежишь здесь? Встань!

– Это стертая одежда!

– Стертая одежда? Как же умеет говорить стертая одежда?

– Эта одежда стиралась с моим телом.

– С телом стирали, говоришь?

– Господа, это вы не понимаете? У меня нет одежды в запасе, и мне приходится стирать одежду, не снятую с себя, и сушить.

– Ладно. Теперь скажи, зачем ты лежишь здесь, вдалеке. Можешь ты же лежать где надо – на сухом месте.

– Слушайте, господин! Где же здесь, в городке, можно сушить одежду

на теле? Где такое теплое местечко, кроме этого забора дома с черной черепицей?

– Что ты говоришь, не пойму.

– Коль есть лучшее этого место, скажите, пожалуйста. Мне надо быстренько сушить одежду на теле. Завтра утром пойду на поле работать. Мне каждая минута дорога.

Патрульные словно набрали воды в рот – молчали. Так обвел их вокруг пальца Чон и повернулся на обратный путь, застал Кима и вместе с ним пошел на поминки. Видит – люди в трауре горько рыдают со слезами. А затем, послушав рассказ Чона о том, как «сушил одежду на теле», со смеху обезживотели. И в трауре смешинка в рот попала.

Чудесный рецепт

Ли Че Ма (1837 – 1900) – известный корейский медик. Одно время он лечил больных в Хонвоне провинции Южный Хамгён.

Однажды к нему пришел какой-то богатый человек за лечением. Врач, прежде чем больной высказал свою жалобу о своем здоровье, немощи, нащупал его пульс. На минутку посмотрев ему в лицо, он говорит:

– Вижу, у вас желудочная болезнь.

– Правильно сказано. Пищеварение плохое.

– А подобная болезнь возникла не за день-два. Никакое хорошее лекарство вам, думаю, не поможет.

– Вы точь-в-точь знаете. Много лет страдаю этой желудочной болезнью. Применял все лекарства – и дикий женьшень, и оленьи панты и прочее. Навестил многих и многих врачей. Понаслышке я слыхал, что у вас лечебное мастерство высокое. И преодолел далекий путь. Прошу помогать мне лечиться.

– Есть один подходящий вам рецепт. Но только боюсь одного – сможете ли вы все делать по рецепту?

– Спасибо вам. Не беспокойтесь. На лечение готов ничего не жалеть, ни имущества. Поверьте: от любых трудно принимаемых лекарств не откажусь – никогда!

– Раз так, то я скажу вам о рецепте. Попробуйте по рецепту непременно.

– Нечего говорить, так я сделаю.

– Дело это не так уж трудное. Вот вам мой рецепт: каждый день, когда восходит солнце, идите на поле и выдергивайте по 50 кукурузных стерней. Порядка за полумесяца.

– Стебли на корню кукурузы?

– Теперь жатва кончена. И, думаю, на всех полях стерни остаются.

– А лекарственный отвар какой?..

– Лекарств не надо.

– Что вы говорите? – богатей в недоумении не собирался уйти.

– Так делаете полмесяца, и вы можете прийти ко мне еще раз.

Ничего не поделаешь – богатому пришлось вернуться к себе домой с пустыми руками, без никакого лекарства. Душа не лежит к нему, и рецепт-то казался ему абсурдным. Однако он подумал: «Это сказал известный лекарь, да на это не требуется денег. Попробую, будучи обманутым».

А тут сотворено чудо! Не прошло и пятерых суток с той поры, как он начал каждым утром с восходом солнца выдергивать кукурузные стерни по 50 штукам. Пищеварение стало слаженно, тяжесть в желудке исчезла как сняло рукой. Через 10 дней у него чувствовался голод, все стало аппетитным. Прошло полмесяца – любую пищу приятно принимал желудок.

– Вот это да! Чудный рецепт! – богатей так обрадовался, что в следующий день после того, как минуло полмесяца, он велел своему слуге нести на спине ценные вещи и лакомства и вместе с ним пошел к врачу. Вылечившемуся хотелось поблагодарить лекаря за чудодейственный рецепт, с одной стороны, а с другой – узнавать, какой секрет лечения желудочной болезни таится в выдергивании кукурузных стерней.

– Спасибо вам, Ли! Ваш рецепт действительно породил чудо.

– Ну как? Рецепт помог?

– Нечего говорить, десятилетний старый недуг совсем исчез за полмесяца. Дело рук духов?! Но теперь прошу вас сказать вот что: какое лекарственное воздействие оказывает выдергивание кукурузных стерней утром при восходе солнца?

– Какой тут лекарственный эффект?

– Значит, такая затея помогает в лечении желудочных заболеваний?

– Совершенно верно. Секрет вот в чем: у крестьян, тружеников полей, чуть свет идущих на работу в поле, нет болезни желудка. И поэтому вам дал такой рецепт: двигайся, трудись, как они, – болезни не будет.

Богач с покрасневшим лицом не мог найти других слов.

СТАРИННЫЕ БЫЛИ КОРЕИ

Автор: Чу Сон Чхор

Редактор: Ли Ю Ир

Перевод: У Чон Хван, Кан Дон Су

КНДР, Издательство литературы
на иностранных языках

Апрель 2026 года

ㄱ-260880483481

E-mail: flph@star-co.net.kp
http://www.korean-books.com.kp

ISBN 978-9946-0-2809-5